

Штульберг Анна Моисеевна
кандидат культурологии, доцент
кафедры региональных исследований
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова
Тел.: 8(499)7830264
e-mail: anstulberg@mail.ru

Изучение художественной литературы региона как важный аспект в преподавании регионоведения Великобритании

В преподавании курсов по регионоведению Великобритании обращение к специфическим, характерным чертам литературы этого региона имеет огромное значение. В художественной литературе мы можем выделить показательные примеры, связанные напрямую с национальным характером и региональными доминантами. В качестве иллюстраций нами были выделены такие особенности, как выразительность морской тематики в литературе Великобритании, в том числе и в непривычных образах, высокая ценность обращения к подобной проблематике, а также традиция изображения чудаковатых и эксцентричных персонажей, отчетливое пристрастие к оригинальничанию и эксцентрике как литературная традиция. Выявление региональных доминант посредством изучения специфического в художественной литературе может представлять весомое и значимое дополнение к другим способам установления региональных культурных признаков. Такое изучение показывает связь всех аспектов жизни региона (не разделяя эти аспекты искусственно), представляет регион комплексно и полно.

Ключевые слова: художественная литература Великобритании, регионоведение Великобритании, региональные доминанты, морская тематика в британской литературе, литература нонсенса, чудаки и эксцентрики в литературе.

British fiction as an important aspect of teaching British regional studies

Specific features of British literature are of great importance for British regional studies. Some meaningful examples were introduced to show that particular characteristics of fiction are connected with national traits and regional dominant ideas. To illustrate the point we accentuated the great value of naval theme (which includes some unusual images) and the tradition of representation of eccentric and queer persons in British literature. Studies of such and others peculiar features of belles-lettres

help to ascertain the relations between all aspects of reality (and to avoid its artificial separation), help to represent the region in a more sophisticated mode.

Key-words: British literature, British regional studies, regional dominant ideas, naval theme in British literature, nonsense literature, eccentrics in literature.

Регионоведение представляет собой тот научный путь, следуя по которому студент и преподаватель, а также любой интересующийся имеет возможность осознать важнейшие силовые точки региона (а также слабые, не «играющие» в жизни народов аспекты), выявить доминанты регионального развития. Как известно, региональные исследования являются исследованиями комплексными, в них применяются междисциплинарные подходы; наиболее применимыми из методик являются те, которые были развиты в науках историко-филологического направления. Тем не менее регионоведение развивает свой собственный путь, – изучая аспекты развития региона по большей части удается избежать сравнительно-оценочных характеристик именно благодаря попыткам, по словам И.В. Павловского, «определить внутренние свойства этих культур, не зависящие от этнической, языковой, религиозной, идеологической и политической составляющих» [1]

Изучение художественной литературы всегда велось не только на основании филологического литературоведческого подхода (исторические предпосылки, жанры и направления, язык, стилистика, средства художественной выразительности и т.д.), но и на основании установления связей с реальной действительностью, жизнью и развитием определенного народа. Выявление связи литературного произведения и автора с ментальностью и картиной мира народа и региона – наиболее плодотворная часть познания региона через искусство.

Литературное наследие дает исследователю еще и то преимущество, что он рассматривает процессы в двух планах – сам автор (или представители народа, если речь идет о фольклоре), как выразитель менталитета, мировоззрения, характерного для своего региона, и произведение, в котором всегда выражается региональная специфика – иногда ярко и в задуманной форме, иногда имплицитно.

В рамках регионоведения мы обращаемся к национальному характеру, картине мира и всему комплексу материальных и духовных явлений, составляющих жизнь региона. Художественная литература ярко выявляет ряд этих особенностей, наряду с другими явлениями вычерчивает уникальный образ региона, интересы, чаяния, «лица необщее выражение» народа.

Рассмотрим ряд литературных традиций, ярко характеризующих британский менталитет.

Широкое распространение морского романа, рассказа, повести (nautical fiction), особая приверженность к описаниям мореплавания, морских путешествий, сильнейший акцент на значении освоения морских и океанских пространств, пафос геройства и чувство сопричастности в освоении новых земель – тенденция в художественной литературе Британских островов, принявшая характер константы. Причем (в разных жанровых рамках, конечно) тематика моря и водных пространств будет прослеживаться на протяжении не одного столетия.

Еще с елизаветинских времен – времен начала колониальных продвижений, активных захватов и соперничества с другими европейскими странами морская проблематика твердо вошла в круг вопросов, волнующих литераторов. «Тюдоровский ренессанс» знал множество мореплавателей-искателей приключений-поэтов (достаточно назвать титаническую фигуру Уолтера Рэли). Их образы, их творчество укореняет патриотические, экспансивные интересы в морском дискурсе.

Но еще интереснее, что устремления вдаль, в морское пространство, в неисследованные, но ожидающие открытия и исследования океанские просторы увязывается в лирике в своем самом конкретном смысле. Например, Джон Донн эротические образы в своих стихах строит на сравнении с открытием Америки, путешествием к далеким неведомым берегам. Вот строки из элегии «На раздевание возлюбленной»:

*«Моим рукам-скитальцам дай патент
Обследовать весь этот континент;
Тебя я, как Америку, открою,
Смирю и заселю одним собою»* [1, с. 82].

Другой пример – строки из стихотворения «Облако и ангел»: поэт грезит о зримом облике возлюбленной, которую давно представлял себе в мечтах:

*«Балластом грузит мореход
Ладью, чтоб тверже курс держала,
Но я дарами красоты, пожалуй,
Перегрузил любви непрочный бот»* [1, с. 18].

Элегия «Путь любви» начинается с сильной метафоры: здесь снова цель и смысл любви уподобляется морским авантюрам.

*«Влюбленный, если он к венцу любви
Не устремляет помыслы свои,
Схож с моряком, доверившимся бездне
Лишь ради приступа морской болезни».* [1, с. 79].

И далее разворачивается картина покорения возлюбленной, сравнимая с географическим путешествием, путешествием по морям и океанам.

*«Ее чело, как море штилевое,
В недвижимом истомит его покое –
Иль вдруг нахмурясь, за волной волну
Погонит, чтоб пустить его ко дну».* [1, с. 80].

Надо сказать, что Донн, сам участник морских экспедиций, блестяще описывал морские и океанские просторы, грозную и могучую силу стихии. Достаточно вспомнить его диптих «Шторм» и «Штиль», сильнейшие по эмоциональному воздействию стихотворения. Британская литература славится подобными мощными изображениями (и не последнее место занимают авторы, объединяющие морской дискурс с экзистенциальными проблемами человека – можно назвать здесь С.Т. Колриджа, Дж. Конрада, Р.Л. Стивенсона и мн. и мн. других, не говоря уже о просто писателях-маринистах). Но нас интересовали образы моря и морская тематика в необычном ракурсе, говорящие об имманентных интересах авторов и их читателей.

Итак, тематика моря, океана, водной стихии, (конечно, неотъемлемая часть всех национальных культур), в количественном и качественном отношении является необычайно сильной и долговременной в Британской литературе. Здесь ярко заявляет себя аксиологический аспект литературного творчества. Преобладающая и количественно, и качественно тематика сигнализирует о доминировании определенных интересов, о константном характере идеалов и устремлений, в конечном итоге помогая лучше уяснить наблюдателю особое, уникальное в культуре региона, в данном случае черты характера, связанные и с островным мышлением, и с энтузиазмом покорителей пространства.

Таким образом, изучая особенности представления морской тематики, различные штрихи и оттенки смыслового наполнения в ее рамках, мы можем лучше усвоить характерное и специфическое в культуре региона в целом.

Другой репрезентативный пример – ценность остроумия, юмора, а также традиция абсурдной поэзии на Британских островах. Отчетливое пристрастие к дурачеству, к чудаковатым выходкам, эксцентричному поведению взрослых англичан многие исследователи увязывают с обычаем сурового воспитания детей и юношества. Не секрет, что «дорвавшись» до запретного ранее плода, индивидуум особенно энергично начинает его «вкушать». Но развитая и цветущая в пространстве Британского региона литература нонсенса, необыкновенно распространенные образы чудаков и эксцентриков – свидетельство более сильной, глубокой, имманентной традиции.

Героями-чудаками пестрят страницы произведений художественной литературы всех народов. В английской литературе к таким персонажам испытывают особое пристрастие, особую нежность. В них, как в зеркале (в Зазеркалье?) открывают для себя особенности своего национального характера, скрытые в рамках повседневности, неудобные для неё.

Чосер-персонаж из «Кентерберийских рассказов», сэра Джон Фальстаф Шекспира, мистер Брамбл и Хамфри Клинкер Смоллетта, пастор Адамс Филдинга, семейство Шенди (а ведь *hobby-horse*, любимый конёк, которого чудак всегда готов оседлать, изобретение Лоренса Стерна, появившееся именно в этом его романе о Тристраме Шенди и его родне), многочисленные герои Диккенса (в ряду их мистер Пиквик и мистер Микобер из «Жизни и приключений Дэвида Копперфилда» будут, наверное, самыми главными), остеновский мистер Коллинз, Дживс и Вустер Вудхауза, некоторые герои пьес Оскара Уайльда и Бернарда Шоу, романов и рассказов Ивлиана Во и Роальда Дала и мн. и мн. другие. Специфичность этих героев всегда в большой степени связана с их национальным характером, со своеобразием и неповторимостью региона (и *vice versa*, своеобразие и оригинальность региону придают в том числе совокупность оригинальных характерных черт).

Традиция собственно абсурдистской поэзии, поэзии нонсенса также многовековая, но особенное развитие получает (и это не совпадение) в эпоху сугубо рациональную, связанную с быстрыми темпами механизации и промышленного роста, а в социальном аспекте в эпоху навязываемого идеала сдержанности и респектабельности, буржуазной солидности – в викторианские годы.

Здесь особенно нужно отметить традицию, заложенную Льюисом Кэрроллом и Эдвардом Лиром. Оба литератора базировались на фольклорном литературном наследии (конечно, в первую очередь на детских стишках (*nursery rhymes*) и на лимериках)).

Каким образом и почему юмористическая традиция, и традиция особого отношения к чудаковатым выходкам стала важной и значительной для британской культуры? Несомненно, противопоставление культу здравого смысла и логической категоричности, которые в устойчивых построениях британского имперского менталитета столь органичны, вызвало к жизни ряд обозначенных особенностей; безапелляционный рационализм повлек обратную реакцию – от поисков смысла к поискам бессмыслицы. Одной из черт британского менталитета выступает опора на сугубо материалистическую эмпирическую традицию как в философии, так и в социальных областях знания и в жизни – и эти традиционные ценности из-за своей императивности потеряли привлекательность и обратились в свой эстетический антипод.

Во второй половине XIX в. искусство в Великобритании подвергается особому искусству – мощная держава одновременно утверждает культ силы и культ естественности и простоты. И

именно в это время и абсурдистская традиция в литературе (кстати, глубоко симпатичная самим викторианцам), и зарождающиеся декадентские тенденции (на британской почве), в частности, английский эстетизм, густо замешанный на французском символизме, склонны проповедовать уход от жизни с ее простотой и понятностью. Это уход в нереальность искусства, далекого от серости и рутинности (а также, в случае с декадентством, далекого от вульгарных нравственных предписаний, от морали как таковой).

Логика и здравый смысл, сдержанность и умение скрывать свои чувства, качества, приписываемые англичанам среднего и высшего слоя общества, можно до определенной степени считать справедливыми, наследием пуританской картины мира и т.п. Но ведь нельзя забывать, что национальный характер меняется не быстро, да и не сильно, не полностью, поэтому обычаи шумных раскрепощенных горожан, смелых авантюристов-елизаветинцев, кавалеров, отстаивающих идеалы, не связанные с коммерцией, (которую, правда, можно признать основной линией развития нации), тоже сохраняются.

Атмосфера чужачества, эксцентричности, иррациональности очень хорошо чувствуется на фоне общей здравомыслящей поверхности. Необходимость в выходе творческой энергии тем больше, чем более она не к месту. Хотелось бы также упомянуть об огромном творческом потенциале не англо-саксонских народов, населявших Британскую империю, и, конечно, имевших непосредственное отношение к литературе и другим искусствам. Перечислять авторов шотландского, ирландского и валлийского происхождения будет излишним, так как их великое множество.

Литература нонсенса, как уже было сказано, расцветает в середине – второй половине XIX в. Пример творчества Эдварда Лира, знаменитого автора «Книг чепухи» и художника, – ярчайшее явление британской литературы того времени. Нонсенс (nonsense), бессмыслица, отсутствие смысла, противопоставленное смыслу (sense), тем не менее связано с ним родственными отношениями и не существует без него. Но гораздо интереснее для изучения специфики региона, что шутивно-дурашливое содержание абсурдистского стихика не избавляет от характеристик, присущих этому региону. Специфичное, узнаваемое, культурно-обусловленное понимание действительности находит выражение и здесь. Вот один из лимериков, написанных (и нарисованных) Эдвардом Лиром:

*«There was a Young Lady whose nose
Was so long that it reached to her toes;
So she hired an Old Lady,
Whose conduct was steady,
To carry that wonderful nose». [4]*

Пожалуй, мы можем сказать, что утверждение о величине носа абсурдно и неправдоподобно, но тут же мы сталкиваемся с викторианской реальностью, избежать или устранить которую нет ни возможности, ни желания. Юная обладательница огромного, достающего до пальцев ног, носа вынуждена нанять пожилую даму, чьё поведение надежно, устойчиво, или, скажем, безукоризненно с моральной точки зрения *«an Old Lady / Whose conduct was steady»*, т.е. респектабельность викторианского поведения в обществе соблюдена.

Интересно, что один из переводов «локализовал» этот лимерик в Восточной Европе и мировоззренческая картина изменилась. Это вариант знаменитого переводчика англо-американской литературы Г. Кружкова:

*«Жила-была дева в Галиции
Чей нос перерос все кондиции,
Пришлось вызывать
Несчастную мать –
Носить этот нос по Галиции»* [3, С. 36].

И вот уже вместо морально устойчивой викторианской матроны, некоей чопорной компаньонки, – *«несчастливая мать»*, – родственные отношения, семейные ценности и эмоциональная напряженность. Старушка-шаперон, блиставшая безукоризненным поведением, могла отстраненно и холодно относиться к своей работодательнице, чей нос она носила, она не заинтересована лично, выполняет общественную функцию, а вот мать, которую «вызвали» носить нос по Галиции, определена как *«несчастливая»*. Конечно, особенности эти могли быть вызваны только лишь требованиями переводческой техники, но все же пример и модель регионально-специфического, на наш взгляд, присутствует.

Пожалуй, наиболее важные, «сочные», уникальные характеристики английского чудака мы впервые встречаем в знаменитом романе Лоренса Стерна *«Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»*. Этот роман середины XVIII в. – не только знамение эксцентрического мировоззрения автора, эпохи и английской культуры, но, на наш взгляд, и провозвестник тенденции, которая утвердится и приведёт позднее к уже описанному выше абсурдистскому и анти-смысловому восприятию действительности, но с этой же действительностью крепкими узами связанной. В кратком обзоре нет возможности обращаться к технике и особому построению романа автором, сатирическим и пародийным аспектам, к необычным «играм» с временем повествования и сюжетом, – всё это свидетельства как уникальности произведения, так и зарождения новой традиции (слова «стернианство», «стернианский» вскоре после выхода романа начнут употребляться для обозначения как приемов художественного письма, так и особенностей мировоззрения).

Здесь же хотелось бы отметить только тот факт, что эксцентричные жители Шенди-холла и их гости – не просто британский мир в миниатюре (для ознакомления с британской спецификой, «узнавания» характерных черт реальности подойдёт почти любое произведение, описывающее нравы и быт). Шенди-холл – микрокосм британских особенностей и идеалов; в рассуждениях дяди Тоби и мистера Шенди, пастора Йорика и самого Тристрама – уникальная смесь иррациональности, или даже анти-рационализма, (заметим, что это происходит в век господства идеи разума, как вершинного критерия человеческой жизни – эпоху Просвещения) и связи со своей исторической и культурной (можно сказать, региональной) традицией. О своем гениальном оригинале – пасторе Йорике (потомке того самого Йорика, к черепу которого обращал один из своих монологов Гамлет) Стерн пишет следующее: *«вместо холодной флегмы и правильного соотношения здравого смысла и причуд, которые вы ожидали бы найти у человека с таким происхождением [датским происхождением], – он, напротив, отличался такой подвижностью и легковесностью, – казался таким чудачком во всех своих повадках, – столько в нем было жизни, прихотей и gaieté de cœur, что лишь самый благодатный климат мог бы все это породить и собрать вместе. Но при таком количестве парусов бедный Йорик не нес ни одной унции балласта; он был самым неопытным человеком в практических делах; в двадцать шесть лет у него было ровно столько же умения править рулем в житейском море, как у шаловливой тринадцатилетней девочки, не подозревающей ни о каких опасностях. Таким образом, в первое же плавание свежий ветер его воодушевления, как вы легко можете себе представить, гнал его по десяти раз в день на чей-нибудь чужой такелаж»* [4, с. 44].

Стерн предваряет описание нрава Йорика рассуждениями по поводу датского и английского национального характера. Вот что автор говорит об англичанах: *«все мы представляем противоположные <...> вы либо великий гений – либо, пятьдесят против одного, сэр, вы набитый дурак и болван; – не то чтобы совершенно отсутствовали промежуточные ступени, – нет, – мы все же не настолько беспорядочны; – однако две крайности – явление более обычное и чаще встречающееся на нашем неустроенном острове, где природа так своенравно и капризно распределяет свои дары и задатки; даже удача, посещая нас своими милостями, действует не более прихотливо, чем она»* [4, с. 44].

И вся эта непрактичность и эксцентричность представляется лишь оборотной стороной реально существующих свойств, связанных с практицизмом, утилитарностью и прагматизмом. Романтика и оригинальность, эксцентричность и поэтичность возрастают на неподходящей почве гораздо более пышно и приносят выдающиеся плоды.

Таким образом, а нашем докладе утверждается мысль о том, что выявление региональных доминант посредством изучения специфического в художественной

литературе, может представлять весомое и значимое дополнение к другим способам установления региональных культурных признаков. Таких маркеров много. Мы выделили два показательных примера, указав, что, во-первых, в жизни региона Великобритании ряд выдающихся тенденций в искусстве связан с экспансистскими, географическими характеристиками, с морской тематикой. Второй иллюстрацией стала традиция чудаковатого, эксцентричного поведения персонажей художественной литературы, также тесно связанная с жизнью острова. При рассмотрении отличительных черт и символов, данных в произведениях литературы в регионоведческом ключе, можно определить и обозначить сущность жизненных интересов, национального характера и всей ориентации культуры. В преподавании курсов, связанных с регионоведением Великобритании, обращение к этим и подобным примерам имеет то огромное значение, что они показывают связь всех аспектов жизни региона (не разделяя эти аспекты искусственно), представляют регион комплексно и полно.

Литература

Донн Дж. Стихотворения и поэмы. М., 2009. – 567 с. – (Литературные памятники).

Павловский И.В. Регионоведение в контексте общегуманитарного образования [Электрон. ресурс] // Россия и Запад: диалог культур. № 1, 2012. Режим доступа: [URL:http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-03-27/170--1-r-.html](http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-03-27/170--1-r-.html) (дата обращения 14.03.2017)

Лир Э. Большая книга чепухи. / Пер. с англ.; Сост., предисл. и коммент. Г.М. Кружкова. СПб., 2011. – 288 с., илл.

Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. – 687 с. – (Библиотека всемирной литературы. Серия 1. Том 61).

Two hundred years of Nonsense. The Works of Edward Lear. Available at: [URL:http://www.lear200.com/there-was-young-lady-whose-nose](http://www.lear200.com/there-was-young-lady-whose-nose) (accessed 12.03.2017).